

ФУГГАЗИ-ДЖАЗ

— **Д**амы и господа! Через пятнадцать минут наш самолет покинет зону единого информационного пространства, после чего все имеющиеся у вас предметы личного пользования, созданные с помощью универсальных информационных носителей, дематериализуются. Не забывайте об этом, дабы не оказаться в неловком положении...

В голосе пилота едва заметная ирония. Еще бы! Кто не слышал уморных историй о рассеянных туристах, забывших переодеться в одежду, созданную без использования нанотехнологий, и оставшихся в чем мать родила, как только самолет пересек границу с Россией, на территорию которой единое информационное пространство, как известно, не распространяется. Большинство этих историй всего лишь байки, придуманные самими же туристами, чтобы по возвращении домой повеселить друзей и родственников, не представляющих себе, что такое жизнь без уинов. Уже хотя бы потому, что вас не пустят в самолет, следующий рейсом в Россию, если вы не одеты как положено. А вот что касается всего остального...

— ...Ряд предметов первой необходимости, которые вы забыли приобрести до отлета, могут предложить вам наши стюардессы...

Я открыл саквояж, стоявший на соседнем незанятом сиденье. Так, туалетные принадлежности, допотопный сотовый телефон, миниатюрный диктофон, цифровой фотоаппарат, электронный органайзер, два чистых блокнота, пачка сторублевых купюр... Собст-

венно, все это можно было купить уже по прибытии в аэропорту или в гостинице, но я предпочитаю обзавестись всем необходимым заранее, дабы потом не забивать голову ерундой. По роду деятельности мне регулярно приходится бывать в России, поэтому я на собственном опыте знаю, насколько трудно человеку, привыкшему к жизни в информационном пространстве, постоянно следить за тем, чтобы под рукой имелись все необходимые мелочи.

Я поднял руку. Миниатюрная блондинка в малиновой униформе, катившая по проходу между креслами столик на колесиках, улыбнулась, заметив мой жест, и быстро двинулась в мою сторону.

— Что желаете?

— Авторучку.

Стюардесса нажала кнопку на краю столика, и моему взору предстали три десятка самых разных авторучек — от пластиковых простушек до похожих на сигары монстров в золоченых корпусах. Я выбрал небольшую, аккуратную, удобно лежащую в руку авторучку с серо-стальным корпусом, покрытым витым узором, выполненным чернью. Она не бросалась в глаза, но внимательный наблюдатель мог отметить, что это отнюдь не дешевка.

— Еще что-нибудь? — вежливо осведомилась стюардесса.

— Благодарю, это все, что мне надо, — ответил я, убирая авторучку.

— У вас нет часов, — улыбнулась девушка.

На руке у меня часов действительно не было. Я достал их из специального маленького кармашка, нашитого поверх внутреннего кармана пиджака, и не без гордости продемонстрировал красавице. Большие круглые часы с откидывающейся крышечкой, ажурными стрелками и крупными римскими цифрами. Настоящий антиквариат. На внутренней стороне крышечки можно прочесть полустершуюся гравировку

«Петрь Леонидович Максинъ». Наверное, это имя первого владельца часов. И мое тоже. Но тот, кому часы принадлежали прежде, не имеет ко мне никакого отношения. Часы подарила мне Настя четыре года назад на мой тридцать пятый день рождения. Настю поразило удивительное совпадение имен, и она решила, что непременно должна подарить мне эти часы. Настя молчала, как заговорщица, когда я расспрашивал ее о стоимости часов, но, подозреваю, обошлись они ей недорого. Я как раз впервые в Москву собирался, и часы пришлось очень кстати. А потом они стали для меня не талисманом даже, а амулетом, таинственным оберегом, спасающим от любых напастей. Я носил их даже в информационном пространстве, где в часах нет никакой надобности — точное время можно узнать, просто подумав об этом. Кто знает, быть может, мистическое совпадение имен бывшего и нынешнего владельцев часов на самом деле наделяло их какими-то чудодейственными свойствами?

— Замечательные часы, — вежливо улыбнулась стюардесса, хотя, конечно же, не смогла оценить вещь по достоинству. — Так вам больше ничего не нужно?

— Нет, — я спрятал часы в карман.

Зачем я вообще их доставал? Не для того же, чтобы произвести впечатление на совершенно незнакомую девушку? Должно быть, мне самому нужно было на них взглянуть. Обычно это помогает мне сосредоточиться и собраться с мыслями.

— Триста семьдесят уинов, — стюардесса показала мне стержень уин-дозатора, на узеньком табло которого горело озвученное число.

Я кивнул и положил на подлокотник левую руку. Стюардесса коснулась активным кончиком дозатора углубления на уин-перстне, украшавшем мой безымянный палец, и в моем организме стало ровно на триста семьдесят уинов меньше.

— Благодарю вас, — еще раз дежурно улыбнулась

стюардесса. — Желаю приятно провести время, — и покатила дальше по проходу свой столик.

Я положил голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Хорошо тому, кто летит в Россию первый раз, чтобы охать и ахать, с удивлением глядя на причуды и выверты последней страны, оставшейся в стороне от единого информационного пространства. Он еще даже и не подозревает, с чем ему предстоит столкнуться. То, о чем с восторгом рассказывают рекламные проспекты туристических фирм, для него пока не более чем экзотика, нечто такое, чего не увидишь больше нигде в целом мире. И хорошо, если такой же экзотикой она и останется для него после возвращения домой. Интересно, многие ли из тех, что летят сейчас одним со мной рейсом, захотят снова вернуться в Россию? Хотя бы в качестве туристов?

— Уважаемые пассажиры! Самолет заходит на посадку! Пожалуйста, приведите спинки кресел в вертикальное положение и пристегните ремни!

Ну, вот и прилетели!

* * *

Неприятности у туристов начались уже в зале прибытия. Кто-то вдруг обнаружил пропажу очень нужных ему вещей.

«Видите ли, я постоянно пользуюсь когектогом дикчии, — безбожно шепелявя, жалуется пожилой, статный мужчина своему соседу. — Шовегшенно жабыл пго него». Две дамы, минуту назад забежавшие в туалетную комнату, высказивают оттуда с вытарашенными глазами. «Они до сих пор пользуются унитазами!» — громким шепотом сообщает одна из них своим спутникам. Однако! Нужно было хотя бы памятку для туристов в самолете прочитать.

Встречающий группу представитель туристической фирмы, размахивая рукой, громко объясняет прибывшим план дальнейших действий:

— Кто еще не успел получить свой багаж, подойдите к стойке номер двенадцать!..

Я поудобнее перехватил ручку саквояжа. Багаж — вот еще одно слово, напрочь вышедшее из употребления в зоне единого информационного пространства. О каком багаже может идти речь, если любая необходимая вещь может быть создана на месте в считанные секунды?

— Таможенная декларация, — гид машет над головой бледно-зеленой бумажкой, — должна быть заполнена в строгом соответствии с утвержденной формой! Нельзя просто написать на листке бумаги «Я привез с собой пять тысяч рублей» и поставить подпись!..

Туристы смеются, недружно, но громко, как будто оценили шутку. На самом деле просто увидели, как усмехается гид, и не захотели выглядеть глупее других. Туристы все больше пожилые, а значит, много путешествующие. Кому из них за последние пятнадцать лет приходилось заполнять таможенную декларацию? Это Россия, дорогие мои соотечественники! Россия, а не Мексика и не Шри-Ланка!

— Внимание! — Гид хлопает в ладоши, добиваясь внимания всех без исключения членов группы. Я перехватываю ручку саквояжа двумя руками и из чистого любопытства тоже смотрю в его сторону. — После того как все формальности будут улажены, мы встречаемся здесь! — гид указывает вытянутой рукой на большое световое табло «Вылет — Прибытие». — Видите? — Туристы дружно кивают. — Под этим большим табло! — Он что, за идиотов всех держит? — Как только мы все соберемся, идем в автобус! Автобус доставит нас в гостиницу имени Первой Государственной Думы...

— Простите! — поднимает руку тщедушная старушка с розовыми волосами. — Но нельзя ли перед экскурсией в Государственную Думу заехать в гостиницу?

— Мы как раз туда и едем! — Гид умильно улыбается и складывает ладошки перед грудью. — «Имени

Первой Государственной Думы» — это название гостиницы!

Туристы удивленно загомонили.

Я про себя усмехнулся — ничего, привыкайте, вы здесь еще и не с таким столкнетесь.

— Вопросы есть? — Гид призывно вскидывает руку над головой.

Понятное дело, вопросы имеются у всех. Но не те, которые стоит задавать немедленно.

Прекрасно понимаю настроение туристов. Сейчас они больше всего хотят добраться до гостиницы и вселиться в номера, чтобы наконец-то обрести хотя бы видимость защищенности от странного мира, в который они попали. По собственной воле, заметьте!

— Там — туалет! — Гид машет рукой направо. — Там — обменный пункт, — гид машет рукой налево, — где вы можете обменять уины на рубли! Но если сейчас у вас нет острой потребности в рублях, лучше произвести обмен в городе, там курс выгоднее! Быстренько! — Гид хлопает в ладоши. — У нас на все про все полчаса! — Еще один хлопок.

Все, как по команде, разбегаются. На месте остаются трое — шепелявый мужчина и две благообразные старушки.

— Ижвиняюш, — обращается к гиду шепелявый. — В Мошкве мошно пгеобгешти коггектог дикчии?

— За наличный расчет в Москве можно приобрести все, что угодно, — ободряюще улыбается шепелявому гид и отворачивается в сторону.

Смотреть больше было не на что.

Перехватив саквояж левой рукой, я не спеша двинулся к выходу на улицу.

— Уважаемый, — тут же подскочил ко мне паренек лет двадцати двух в кожаной куртке и надвинутой на глаза кепке. — Уины продать не хотите?

— Нет, — коротко ответил я.

— Заплачу лучше, чем в обменном пункте, — не отставал парень.

— У меня нет, — сказал я, чтобы отвязаться. — Все при отлете обменял.

— Не тренди, — презрительно фыркнул парень. — У вас, информатиков, организмы уинами набиты.

Ага, новое словечко появилось. Информатиками теперь называют тех, кто живет в зоне единого информационного пространства. Невзирая на национальность и вероисповедание. А вот для себя они новое название никак придумать не могут. «Россияне». Как только слышу это слово, сразу вижу Илью Муромца на вороном коне с гривой до копыт, в одной руке копье с темляком, в другой меч-кладенец, к седлу голова Соловья-разбойника приторочена. Только где они теперь, богатыри-то русские?

— Ну так что, продашь сотен пять?

— Нет.

— Козел, — процедил сквозь зубы парень и отвалил в сторону.

Вот еще один характерной признак земли Русской — только здесь тебя могут обхамить просто так, без причины, но за милую душу.

Сами собой распахнулись стеклянные двери, и я вышел на улицу.

Конец апреля — замечательная пора. Тепло, но не жарко. Деревья пока еще стоят голые, лишь кое-где на ветках заметны зеленые крапинки только-только проклюнувшейся листвы. А легкий ветерок уже носит тонкий запах молодой травы, пробившейся из-под спутанных косм сухой, прошлогодней. Пора расцвета и возрождения к новой жизни. Почему никто не додумался разбить клумбу с цветами на выходе из аэропорта? Места более чем достаточно, но вокруг только серый бетон. И какой-то невразумительный монумент, похожий на гору ржавого металлического лома. Сколько

раз смотрю на нее, не могу понять, что сия конструкция символизирует.

Не успел я подойти к краю тротуара, как рядом затормозила желтая машина такси.

— У вас багаж? — наклонившись к окошку, приветливо улыбнулся шофер.

Я показал саквояж.

Таксист коротко кивнул, щелкнул клавишей на панели управления, и передо мной распахнулась задняя дверца.

— Гостиница «Балчуг», — сказал я, устраиваясь на сиденье.

Таксист с интересом посматривал на меня через зеркало заднего вида. С одной стороны, говорю я на чистом русском, даже без намека на акцент. С другой — какой же русский возвращается из-за кордона без багажа?

Машина отъехала от тротуара, плавно скатилась по наклонному пандусу и выехала на шоссе.

— По делам или в гости?

Тонкий ход! Вопрос можно повернуть как в одну сторону, так и в другую! Мол, были в гостях? Или приехали в гости?

— По делам, — ответил я, глядя за окно.

— Надолго?

Черт, вроде бы ясно дал понять, что не расположен к беседе.

Я прямо посмотрел в глаза шофера, отражавшиеся в зеркале заднего вида.

— А что?

Взгляд шофера метнулся в сторону.

— Да нет... Я просто так спросил.

От нечего делать я принялся считать дома за окном. Не похоже, что шофер работает на Госбезопасность, — слишком уж прямолинейно начал. Хотя, с другой стороны, даже если и работает, мне-то что? Я официальное лицо, представитель Мирового экологического

форума, прибыл в Москву для того, чтобы ознакомиться с последними отчетами по экологическому балансу озера Байкал, договориться об установке новых фильтров на целлюлозно-бумажном комбинате, сбрасывающем в озеро промышленные отходы, и посетить Облонские реликтовые болота. Между прочим, МЭФ готов бесплатно предоставить России фильтры и самостоятельно провести все работы по их установке и наладке. Мне же предстоит уговаривать местное руководство согласиться на эти условия. Улавливаете иронию? Человека нужно уговорить принять дорогой — очень дорогой! — подарок. В новых фильтрах, созданных по неизвестной им технологии, русские почему-то видят троянского коня. А что мы будем делать, если через неделю ваши фильтры выйдут из строя? — спрашивают они. И здесь уже не помогают никакие доводы. Ну какой российский чиновник поверит в то, что некая неправительственная организация из закордонья — есть у них в России такое словечко — просто так, за здорово живешь, подарит ему новенькие промышленные фильтры только потому, что их, иностранцев этих поганых, беспокоит, видишь ли, судьба самого глубокого в мире озера? Ну, чистый бред! С точки зрения российского чиновника, разумеется.

А вот интересно, что думает по этому поводу простой московский таксист?

— Извините, — посмотрел я в затылок водителю. — Можно поинтересоваться, как вы, лично вы, относитесь к проблеме озера Байкал?

Не оборачиваясь и даже в зеркало на меня не глянув, таксист поднял правую руку и основательно почесал стриженный затылок.

Ну, давай же, дорогой, скажи что-нибудь веское! Изреки какую-нибудь вековую народную мудрость!

— А где это?

— Что? — не понял я.

— Байкал ваш.

— В Сибири...

— Тю! — таксист помахал рукой в воздухе. — Так мы ж в Москве!

— Но Сибирь — это Россия.

— А мне-то что? — пожал плечами шофер. — Я дальше Волоколамска никогда из Москвы не уезжал. Сибирь... — Водитель крутанул головой, как будто смешок проглотил. — Но, — веско! — Курилы японцам не отдадим!

Вот оно! Исконно русское мышление! Байкал нам нафиг не нужен, потому что он и без того наш, но Курилы супостату не отдадим!

Да, тут было над чем подумать. И времени поездки от Шереметьева-2 до «Балчуга» для этого было явно маловато.

— Приехали, — сообщил шофер, затормозив у входа в гостиницу.

Он обернулся, положил локоть на спинку водительского сиденья и посмотрел на меня с такой улыбкой, будто собрался позволить мне забрать Курилы.

Я улыбнулся в ответ — спасибо, не надо — и полез в карман за бумажником.

— Можете расплатиться уинами, — не понял моей улыбки шофер.

Дались же им эти уины! От них же никакого проку, если нет информационного пространства!

— У меня есть рубли. — Я раскрыл бумажник. — Сколько?

— В уинах дешевле будет, — шофер чуть прищурил левый глаз, словно собирался подмигнуть мне заговорщицки.

— Сколько? — я достал из бумажника деньги.

Шофер отвернулся недовольно и шелкнул пальцем по кнопке. На кассовом табло загорелась сумма к оплате — 320 рублей. Еще десять процентов чаевых, ладно.

— Прошу вас, — я протянул шоферу ровно 352 рубля.

Таксист забрал деньги, сунул мне в руку чек и, опус-

тив клавишу на панели управления, открыл заднюю дверцу.

— Всего доброго, — сказал я, выбираясь из машины.

Рядом уже суетился швейцар-негр в малиновой livрее с золотыми позументами, так и норовивший вырвать у меня из рук саквояж.

— Благодарю, помощь мне не нужна.

Швейцар недовольно засопел, шевельнул вывернутыми ноздрями и с обиженным видом отошел в сторону. Да, вот чего негру не хватало, так это широкой, окладистой бороды, которую можно степенно оглаживать, стоя в сторонке и предаваясь возвышенным думам о судьбе родины.

* * *

Номер люкс 412 был постоянно зарезервирован за Мировым экологическим форумом. Точно так же, как еще семь номеров на разных этажах гостиницы. Не сказать, чтобы «Балчуг» ломился от посетителей, но так оно было спокойнее, надежнее, да и солиднее, в конце концов. Портье вокруг меня едва лезгинку не станцевал, стоило мне показать золотую карточку «Службы Путешествий». Тут же коридорного свистнул, чтобы он мой багаж на четвертый этаж доставил. То, что из багажа у меня оказался только саквояж, который я никому не хотел доверять, страшно обескуражило как портье, так и коридорного, а также горничную, которая тоже на что-то рассчитывала.

Поднявшись в номер, я сунул в руку увязавшемуся таки за мной коридорному двадцатку и захлопнул дверь у него перед носом. Не хватало только, чтобы он начал демонстрировать мне все достоинства номера, в котором я останавливался уже в пятый... Или в шестой раз?

Я поставил саквояж на журнальный столик в гостиной, снял пиджак, кинул на спинку стула, распустил узел галстука, глубоко засунул руки в карманы и по-

смотрел по сторонам. С последнего моего посещения в номере почти ничего не изменилось. Если не считать ночника в виде китайского фонарика на стене. Прежде на этом месте висела полочка с фигуркой гондольера, у которого при хлопке зажигался тусклый огонек на кончике весла. Я достал из кармашка часы, щелкнул крышкой и посмотрел на циферблат.

Без пяти четыре.

Что ж, очень хорошо. Сегодняшний вечер у меня был свободен.

Я подошел к огромному, едва не в полстены, бару, открыл холодильную стойку и не спеша изучил ассортимент. Выставка была замечательная. Скользя взглядом по этикеткам, я остановил выбор на ледяном чае с лимоном.

Подхватив одной рукой бутылку, другой — тяжелый четырехгранный стакан, я ногой подтолкнул кресло к невысокому шестиугольному столику из карельской березы. Устроившись в кресле, я налил себе стакан чая и, мысленно отсалютовав всем, кто был рад или вовсе не рад видеть меня в Москве, сделал два больших глотка. Чай был хорош! Прохладный, чуть кисловатый, пузырьки углекислоты приятно щекочут небо.

Ах, блаженство!

Я положил голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Вот так можно сидеть и не только ничего не делать, но даже и не думать ни о чем. Час, другой, третий... Интересно, на сколько меня хватит? Или, если повернуть вопрос иначе, на сколько мне хватит чая? Потому что сидеть в кресле без чая совсем скучно.

Приоткрыв один глаз, я посмотрел на застывший серой глыбой в углу телевизор. Модель с голосовым управлением. Чтобы этот ящик работал как следует, на него нужно орать, потому что простых, тихих слов он не понимает. Или не желает понимать. А может быть, его специально так настроили на заводе?

Россия...

Я допил чай и поставил стакан на столик.

И тут оно началось.

* * *

Станным было не то, что это вообще происходило — к странностям я был готов, — а то, что всякий раз это начиналось по-разному.

Когда это случилось в первый мой приезд в Москву, я страшно перепугался. Решил, что спятил. Или, в лучшем случае, переутомился. Принялся таблетки глотать успокаивающие, все, что под руку попадались. От транквилизаторов меня вело, как суслика среди зимы. Каким-то чудом я дотянул до конца визита. В самолете меня скрутило так, что думал, точно концы отдам. Перед глазами все плыло, как будто смотришь на мир сквозь гигантские прозрачные шестеренки, крутящиеся, цепляющиеся друг за друга и переливающиеся радужным сиянием. По сравнению с тем, что я лицезрел в гостиничном номере, видение это не наводило смертельного ужаса. Но и ощущение близящегося полного разрыва с действительностью было не из самых приятных. Но как только самолет пересек кордон, отделяющий Россию от единого информационного пространства, морок будто рукой сняло. Я вновь был полон сил, бодр, уверен в себе и в реальности происходящего. Поэтому я не стал обращаться к специалистам, решив, что уины уже вычистили из моего организма всю заразу.

Но в следующий мой приезд все повторилось в еще более тяжелой форме. Первые два дня я еще как-то боролся с бредом, а потом просто выпал из реальности. Картина окружающей действительности причудливо дробилась и перемешивалась с кошмарными образами, являвшимися из ниоткуда. Вернее, это я не мог понять и объяснить их происхождение.

Позже я определил для себя это состояние словом «накат».

А майор Ворный научил меня бороться с ним другим накатом.

— Ну, накатили! — провозглашал обычно Владимир Леонидович перед тем, как опрокинуть в рот стопку водки.

И снова морок отпустил меня, стоило пересечь границу единого информационного пространства.

Так что ж, выходит, это сама Россия на меня так воздействует?

Вернувшись домой, я попытался выяснить, не происходит ли то же самое с другими людьми. Я перерыл горы специальной литературы, побывал на всех доступных медицинских сайтах, переговорил с несколькими знакомыми врачами. И ничего не нашел по интересующему меня вопросу. Абсолютно ничего. Ни намек даже.

Получалось, только я один слетаю с катушек, едва оказавшись вне зоны единого информационного пространства?

И чем же я заслужил такое?

Что самое ужасное, моя работа в Российском секторе Мирового экологического форума была связана с регулярными поездками в Москву, Питер, Новосибирск и другие крупные города единственной страны, упорно не желавшей присоединиться к единому информационному пространству.

Конечно, я мог подать прошение о переводе в другой сектор. Даже не объясняя причин. И прошение это, скорее всего, было бы удовлетворено. Но ряд причин удерживал меня на месте. Во-первых, работать в Российском секторе МЭФа было престижно и интересно — Россия оставалась самой неблагополучной страной в области экологии, и там было где применить наши знания и умения. Во-вторых, мне не могло не льстить то, что я считался одним из лучших специалистов по России. Дело в том, что моя задача заключалась не в мониторинге экологической ситуации и не в

разработке новых проектов для ее улучшения. Я должен был уговаривать русских идти с нами на контакт. И, надо сказать, у меня это неплохо получалось. В среднем из шести предложенных мною проектов русские один принимали. В-третьих, работа моя хорошо оплачивалась, что также немаловажно. И, наконец, самое главное — мне нравилась моя работа. Нравилась настолько, что я не мог даже представить себя занимающимся чем-то другим.

Поэтому я продолжал работать в Российском секторе МЭФа. И как минимум раз в полгода летал в Россию, старательно скрывая ото всех, что там со мной происходит.

Со временем я не то что привык к накатам, но смирился с ними, как с неизбежной профессиональной вредностью.

* * *

Окна в гостиной были закрыты плотными шторами, темно-зелеными сшитыми золотыми нитями узорными «огурцами». Под потолком горела двухъярусная люстра с длинными витыми висюльками, довольно аляписто имитирующими хрусталь.

Сначала я краем глаза заметил, как по шторам пробежало легкое марево, будто раскаленный воздух над жаровней колыхнулся.

Я резко повернулся в сторону окна.

Все нормально. Даже сквозняк шторы не колышет.

Откуда же это ощущение, будто происходит что-то странное?

Тихо звякнули стеклянные висюльки люстры над головой.

Я поднял взгляд.

Вокруг люстры кружилось с десятков голубоватых искорок. Когда одна из них догоняла другую, та отскакивала в сторону, цепляла стеклянную висюльку, и та издавала едва слышный звон.

Я покосился в сторону бара. За стеклянной дверцей стояла спасительная бутылка водки. Но — нет. Накат был пока слишком слабый для того, чтобы использовать радикальные методы. Не накат даже, а так себе, накатишко. Такой можно было перетерпеть, не прибегая к допингу.

Чтобы отвлечься, я взял со стола папку с программой визита.

Сегодня у меня был свободный день. В среду — встреча с заместителем секретаря думского комитета по экологии. То, что для начала только заместитель, — это нормально. Для России — нормально. Русские любят погонять проект по скользким ступенькам бюрократической лесенки. Для кого-то этот зам. секретаря мог стать непробиваемой стеной. Но у меня есть опыт, как обходить такие препятствия.

Краем глаза я заметил, как по стене мимо китайского фонарика пробежала ярко-оранжевая саламандра. Бежит — и пусть себе бежит. Главное, не обращать на нее внимания, сделать вид, будто не заметил. Иначе она остановится и попытается разговор завязать. А то еще и приятелей позовет.

Вечером — неофициальная встреча с представителем общественного движения «Зеленый Мир». В приложенной справке говорилось, что это малочисленная организация, не пользующаяся популярностью среди населения и не имеющая своих представителей в Госдуме. Однако лидеры «Зеленого Мира» поддерживают идею вступления России в единое информационное пространство. Поэтому мне предлагалось оценить, можно ли рассчитывать на то, что со временем «Зеленый Мир» перерастет в политическую партию, лоббирующую интересы единого информационного пространства. Что ж, разберемся.

Я перевернул страничку, чтобы узнать расписание на четверг. И тут накатило по полной программе.

Прямо со странички на меня прыгнула какая-то

зверюга с разинутой пастью. Я едва успел увернуться. Зверюга — помесь крокодила, носорога и бабуина — вцепилась клыками в спинку кресла и принялась отчаянно драть ее. Я с размаху огрел тварь папкой по голове и вывалился из кресла.

Обернулся.

Зверюги нет.

Кресла — тоже нет.

А в голове поют хрустальные колокольчики.

Ох, не к добру эти колокольчики.

Не к добру!

Наученный опытом, я знал, что хуже хрустальных колокольчиков может быть только китайская тростниковая флейта.

Стоило только о ней подумать, как тут же послышались протяжные, заунывные завывания.

Та-ак...

Медленно отступая в сторону окна, я настороженно поглядывал по сторонам, дабы не упустить момент начала трансформации.

И — вот оно!

Сперва на поверхности журнального столика появилось темное пятно. Раскручиваясь по часовой стрелки, оно быстро увеличивалось в размерах, превращаясь в глубокую, бездонную воронку. Первой в воронку улетела папка с расписанием визита. Следом за ней соскользнул стакан с недопитым чаем. Затем — большая стеклянная пепельница.

Схватив за ручку саквояж, который тоже начал опасно крениться в сторону черной воронки, я отпрыгнул назад и упал в кресло.

Выскользнувшие из подлокотников бледно-розовые, похожие на гигантских дождевых червей, шланги зафиксировали мои руки и обернулись вокруг живота. Я едва успел кинуть в сторону саквояж — чтобы врагам не достался.

Дернувшись изо всех сил, я порвал один из шлангов, другой намотал на руку, в третий впился зубами.

Кресло подо мной исчезло, и я плюхнулся на пол.

С потолка начала сыпать мелкая снежная крупа. Холодная и противная.

Я высунул язык и поймал одну из крупинок на язык.

— Не ешь меня! — в отчаянном ужасе воскликнула снежная крупинка. — Я тебе пригожусь!

Самое плохое, это когда они начинают говорить. Значит, пора совершить встречный накат.

Я проглотил так не хотевшую умирать снежную крупинку, встал на четвереньки и посмотрел по сторонам.

Где бар?

Бара не было!

Что за черт!

Я же точно помню, что в гостиной был бар!

С сухим хлопком, напоминающим приглушенный выстрел, включился телевизор. Раздвинув руками бегущие по экрану полосы, на меня с укоризной взглянул толстый, с обвисшими щеками диктор.

— И не стыдно тебе?

Только не разговаривать с ними!

Только не разговаривать!

Я на четвереньках пополз прочь от телевизора.

— Ку-уда-ааа!

Диктор по пояс вылез из экрана, протянул длинную, словно раздвижную, ручищу и ухватил меня за щиколотку.

Я дернул ногой, но он держал крепко.

Тогда я перевернулся на спину и что было сил заехал ему кулаком по носу.

Бред полнейший! Драться с фантомом!

Однако сработало.

Диктор выпустил мою ногу и ухватился рукой за расквашенный нос.

— Зар-ра-зз-ааа... — процедил он, зло глядя на меня.

— Сам дурак, — ответил я и, выбросив перед собой руку с дистанционным пультом управления, нажал на кнопку выключения.

Телевизор взорвался, будто внутри его сработал фугас.

Я упал на пол, руками прикрывая голову от летящих во все стороны осколков.

Мне нужен был бар. Нужен позарез. Накат шел по полной программе, и уже было ясно, что самому мне из-под него не выбраться. Но зеленые лианообразные растения опутали всю комнату, так что стен не было видно. Я не имел понятия, в какую сторону ползти, чтобы добраться до бара.

На красном ковре, постеленном на пол, прорисовалась морда тигра. Зверюга сверкнула глазами и хищно разинула пасть с явным намерением откусить мне голову. Я лбом ударил тигра в нос и быстро-быстро пополз на четвереньках куда-нибудь подальше.

Бац!

Я головой ударился об угол журнального столика.

Больно. Но теперь я хотя бы знал, что нахожусь в центре комнаты.

На столике стоял огромный цветочный горшок в плетеном кашпо. Торчавший из него цветок больше всего был похож на невероятно разросшийся куст крапивы со стеблем толщиной в два пальца. Цветок склонился надо мной. Два широких листа с зазубренными краями сложились вместе и, шевелясь и причмокивая, будто губы беззубого рта, потянулись к моему носу.

Ну что за напасть! Этот тоже собрался кусаться.

Я схватил крапивный куст за стебель — руку будто разрядом электрического тока обожгло, — одним рывком выдернул из горшка и как следует встряхнул. На полированную поверхность столика посыпались комья земли.

— Ду-ура-ак! — противно заныл кустик. — Я не крапива, а марихуана!

- Будет прикидываться-то, — криво усмехнулся я.
- Что я тебе плохого сделал?
- А хорошего что?
- Это ты должен обо мне заботиться!
- С чего бы вдруг?
- Потому что ты в ответе за тех, кого приручил.
- Я тебя первый раз вижу.
- Да-а?.. А кто меня в горшок посадил?.. Расти, говори, расти, набирайся дури!..
- Ты меня с кем-то путаешь.
- Ну да, — саркастически усмехнулся кустик. — Тебя, пожалуй что, спутаешь!
- Я только сегодня приехал.
- И сразу собрался меня замочить!.. Ты — киллер?.. Скажи, сколько тебе заплатили, я дам вдвое больше!..
- Ты бар здесь поблизости не видел?
- Какой еще бар?
- Обычный, с бутылками!
- Ты что, дура-аак? Я ж не пью!
- Все, кранты! С несуществующим крапивным кустом разговариваю!
- Что делать-то?
- Что делать!..
- Я затравленно глянул по сторонам.
- Отпусти меня! — потребовал крапивный куст. — А то вернутся мои парни!..
- Я ткнул куст в горшок.
- И землицы подсыпь!
- Обойдешься!
- Все, мужи-ик, — мстительно зашипел куст. — Считай, ты — труп!..
- И в этот момент зазвонил телефон.
- Вот оно!
- Я точно помнил, что телефон стоял на полке слева от бара! Точно! Значит, нужно ползти на звук!
- И я пополз.
- Пригнув голову, пролез под журнальным столиком.

Отпихнул в сторону совсем не кстати подвернувшийся под руку саквояж. Раздвинув зеленую поросль, нащупал рукой стену. Медленно поднялся на ноги.

Телефон звонил совсем рядом.

Я запустил руку меж лиан, щелчком откинул покусившегося на мой палец здорового богомола и на ощупь нашел телефонную трубку.

Лучше бы это была бутылка водки. Но трубка — тоже хорошо. Телефон — это связь с реальностью. И, поскольку уж телефонная трубка была у меня в руке, я поднес ее к уху.

— Слушаю...

— Здорово! — бодро рявкнул из трубки знакомый голос.

— Привет, Владимир Леонидович, — с облегчением выдохнул я.

Майор Ворный — это человек. Человек с большой буквы! Тот самый Человек, который не даст мне согнуться в заполонивших номер сюрреалистических джунглях.

— Как дела, Петр Леонидович? — бодро осведомился Ворный.

— Фигово, — честно признался я.

— Что, здорово накатило? — участливо понизил голос Владимир Леонидович.

— Как никогда.

— Да-а... Что-то быстро на этот раз.

— И не говори.

— Так я зайти-то могу?

— Обязан!

— Понял! Что там у тебя на этот раз?

— Джунгли... Крапивный куст с манией величия... Да, еще телевизор взорвался.

— Ох и ни фига себе! — присвистнул Ворный, вроде как с восхищением даже. — Ладно, я ща буду!

— Только ты дверь сам открой, — попросил я. — А то, боюсь, не найду.

— Как скажешь, дружище!
В трубке короткие гудки отбоя.
Все еще сжимая трубку в кулаке, я тяжело опустился на пол.

Сразу с трех сторон ко мне потянулись зеленые стебли лиан.

— Не-а, — усмехнувшись, покачал головой я. — Ничего у вас на этот раз не получится. Сейчас придет майор Ворный, и всем вам наступит кирдык!.. Что, не верите?..

* * *

— Давай, Петр Леонидович... Давай...
В нос шибанул резкий водочный дух.
Я, не глядя, схватил протянутый стакан и залпом выпил. До дна.

А-ах-х-х!..

Перехватило дыхание.

Из глаз слезы покатались.

Сколько там было? Грамм сто? Сто пятьдесят?..

Поставил стакан на пол рядом с собой.

Сел. Поджал под себя ноги.

Рукавом вытер слезы.

Зрение прояснилось.

Отлично. Что тут у нас?

Прямо передо мной — круглая, румяная, улыбающаяся во все щеки физиономия майора Ворного. Сидит на корточках и пялится на мои страдания.

— С приездом, Петр Леонидович!

Я лишь рукой махнул. Поднялся на ноги, сделал два шага и упал в кресло.

Ворный подхватил с пола пустой стакан, поставил его на журнальный столик рядом с початой бутылкой водки, сел в другое кресло, с довольным видом сложил руки на животе и на меня уставился.

— Спасибо, Владимир Леонидович, — вяло пробормотал я.

В нос ударила водочная отрыжка.

Я сорвался с места, схватил открытую бутылку с чаем и стал пить прямо из горлышка.

Отпился.

Перевел дух.

Сделал еще глоток.

Славно...

— Как же ты работать будешь, Петр Леонидович, ежели на тебя уже в первый день так накатывает, что на пол опрокидывает?

Я только поморщился в ответ — говорить мне сейчас не хотелось. Еще глотнув чая, я посмотрел по сторонам, чтобы оценить размеры нанесенного номеру ущерба.

Все оказалось не так уж плохо. Телефонный аппарат валялся на полу с расколотым корпусом, и от массивной стеклянной пепельницы откололся кусок. Зато телевизор, который, как мне казалось, взорвался, оказался целехонек.

Я поднял валявшийся на полу пульт дистанционного управления и кинул его на столик. Прихватив бутылку чая и чистый стакан, я вернулся за стол.

— Здорово накатило? — спросил Ворный.

Я молча кивнул.

То ли я еще не до конца отошел от шарахнувшего так внезапно по голове глюка, то ли гроза приближалась, но мне показалось, что из окна, промеж неплотно задернутых штор, в комнату лезет сероватый сумрак. И это было нехорошо. Очень нехорошо. Потому что сумрак мог в один миг обернуться черт знает чем.

— Ну, ладно! — майор Ворный решительно взялся за бутылку с водкой и одним умелым движением свинтил с нее пробку. — Давай-ка и мы тогда накатим!

Владимир Леонидович поровну плеснул в оба стакана, себе и мне. Взяв свой стакан, Ворный посмотрел на меня сквозь стекло.

— Рад тебя видеть, Петр Леонидович, — сказал он с

таким убийственно серьезным видом, что это могло и за издевку сойти.

Но я знал, вернее, почти не сомневался в том, что Ворный говорит от чистого сердца.

Мы чокнулись и разом опорожнили стаканы.

Кстати, то, что мы с майором Ворным оба Леонидовичи, ровным счетом ничего не значит. Ну, просто так случилось. В жизни и не такие совпадения бывают.

Ворный взял бутылку чая и запил прямо из горлышка.

— Вот как? — прищурившись, посмотрел он на меня.

— Нормально, — кивнул я. — Отпускает.

— Ну и славно.

На всякий случай Ворный снова наполнил стаканы. Но пить мы пока не стали.

В голове у меня все еще пели хрустальные колокольцы, но звон их уходил все дальше и становился все тише. По телу разливалась приятная истома. Но спать не тянуло. Наоборот, хотелось заняться чем-то дельным.

— Ну, что нового в едином информационном пространстве? — так, между прочим, поинтересовался Ворный.

— Отдельные умельцы осваивают полет без крыльев, — ответил я.

— Да ну? — искренне удивился Ворный. — Это как же?

— Понятия не имею, — пожал я плечами. — Но как-то выходит.

— Вот-вот, — с укоризной кивнул Ворный. — Сами не ведаете, что творите.

— Снова ты за свое, Владимир Леонидович. — Я скривил губы в вымученной усмешке.

— А что, попробуй скажи, что я не прав! — тут же вскинул брови майор. — Вы же понятия не имеете, как работают эти ваши уины!

Содержание

ФУГГАЗИ-ДЖАЗ. <i>Повесть</i>	5
НАЙДЕНЬШИ. <i>Рассказ</i>	207
КАКТУС. <i>Рассказ</i>	262
ВЫРОДКИ. <i>Рассказ</i>	285
ЛЮСЯ — ЛАСТИК. <i>Рассказ</i>	293
ВСЕ ДУРАКИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В АД. <i>Рассказ</i>	304
ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР. <i>Рассказ</i>	345
ЛИТЕРНЫЙ. <i>Рассказ</i>	364
ЭПОХА СДОХЛА. <i>Рассказ</i>	403
УТРО ПАТРИАРХА. <i>Рассказ</i>	415
ЧТО СКАЗАТЬ ВАМ НА ПРОЩАНИЕ? <i>Рассказ</i>	423